

По дороге домой, пока няня везла детей, Хуа Сюньси вытерла слёзы с лица той, что ещё минуту назад рыдала в три ручья. Глядя на девочку, которая уже всю улыбалась, она не скупилась на похвалу, приговаривая, какая та умница и как ловко всё устроила.

— В будущем, если за Эннин приходят не бабушки, а кто-то из Хэ или Чжао, не позволяй им видаться с ней, — наказала Хуа Сюньси няне. — Ни госпоже Чжао, ни господину Хэ вход воспрещён.

— Слушаюсь, госпожа, я поняла.

Воистину, муж и жена — одна сатана. Она-то думала, что Хэ Яньли совсем не заботится об Эннин, но, поглядев на её дорогую подругу, поняла, что та ничем не лучше. Поразительно, как можно так относиться к собственному ребёнку — просто диву даёшься.

— Мама, Синьи, не любит, тётя Чжао, — Тао Синьи шмыгнула носом, боясь, что сейчас потечёт, — я люблю, Эннин, сестрёнку.

Всё-таки её дочка — сущий ангел, такая чуткая. И в кого только эта Чжао Инъюань уродилась? Если когда-нибудь сюжетная линия завершится, надо будет договориться с Янь Ло и на ходу подправить биографию Эннин. Слишком уж тяжкая у неё судьба, сердце кровью обливается.

— Поняла-поняла, в следующий раз при тёте Чжао не говори так, ладно? А то она превратится в злую колдунью и утащит тебя, — пошутила Хуа Сюньси, но тут же спохватилась, вспомнив, что Хэ Эннин рядом, и поспешно добавила: — Впрочем, твоя тётя Чжао тоже очень хорошая, просто иногда превращается в колдунью, а в остальное время она очень, очень добрый человек.

Хэ Эннин, которая до этого была очень расстроена, услышав, что мама превращается в злую лишь иногда, снова повеселела. Ведь её мама вовсе не плохая, правда? Просто есть злая колдунья, которая каждый раз тайком заставляет маму так себя вести.

Видя, что настроение Хэ Эннин улучшилось, Хуа Сюньси наконец выдохнула. Эх, она ведь не может вечно держать Эннин в доме Тао. Если семьи Хэ и Чжао придут за ней, придётся отдать.

Но одна мысль об отношении этих так называемых родителей вызвала ярость. Как можно быть такими родителями? Если не любите ребёнка, зачем вообще было его оставлять? Только ради того, чтобы было кому семейное дело наследовать?

Тао Синьи, глядя на праведный гнев своей доброй мамы и на простодушную жену, почувствовала, что ситуацию ей не оценить. Это сложно — как говорится, чужая душа потёмки. В прошлой жизни она не управляла компаниями, да и с финансами была на «вы», так что понятия не имела, что творится в головах у этих богачей.

Да и плевать. Главное, что мы с моей Эньнин будем жить припеваючи. Она снова прильнула к Хэ Эньнин, вдыхая приятный молочный аромат.

От этого запаха Тао Синъи почувствовала себя так, словно её опоили дурманом — веки тяжелели, сон одолевал всё сильнее.

Да ладно, неужели моё тело настолько слабое, что я вымоталась от простой прогулки и пары слёз? Она этого не понимала, но, судя по всему, таков был предел детских сил. Не успев произнести очередное: Сестрёнка Эньнин такая красивая, — она провалилась в сон.

Вернувшись в поместье Тао, Хуа Сюньси едва успела смыть макияж и принять душ, как глава семьи вернулся домой вместе с их маленьким сорванцом.

— Ну всё, всё, мойте руки и к столу, — сказала она, уже переодевшись в домашнее, — в детскую не заходите, Синъи сегодня устала и спит.

Оба — и большой, и маленький — тут же развернулись, стараясь не шуметь. Никто не хотел будить маленькую госпожу. В прошлый раз, когда она проснулась не с той ноги, в доме поднялся такой переполох, будто сработала пожарная сигнализация.

— Что вы сегодня делали, почему Синъи так вымоталась? — Тао Вэйчэн чмокнул жену в щёку и потащил сына мыть руки. — С порога тётя Сюй сказала, что она долго плакала. От усталости?

— Можно сказать и так, — Хуа Сюньси расставила посуду. — Ты же знаешь характер Инъюань. Она позвала меня по магазинам, а я не могла оставить Синъи дома, вот и взяла её с собой.

— Она обидела Синъи? — прекрасно зная нрав подруги жены, он тут же нахмурился. — Она посмела обидеть Синъи? Взрослая женщина — и на ребёнка набросилась?

— Эй, не кипятись, — она пресекла его порыв вскочить, — садись ешь. Она ворчала, что дети — это обуза. Я ведь и Эньнин с собой брала, неужели не ясно, о ком она?

Осознав, что речь действительно шла об Эньнин, Тао Вэйчэн не нашёлся что сказать. Отношение Чжао Инъюань и Хэ Яньли к дочери было известно обеим семьям, но никто из них не вмешивался, а он — человек со стороны, и что он мог сделать?

— Ты не представляешь, Синъи не стала терпеть и прямо сказала, что ненавидит её. Ещё бы, ведь Эньнин — та самая, которую Синъи выбрала на Чжуачжоу, — вспоминая тот момент, она невольно рассмеялась.

— Ещё бы, наша Синъи такая умная.

Когда дело касалось похвалы дочери, Тао Вэйчэн никогда не скупился. Его дочь — самая умная, и пусть хоть сам небожитель спустится, он будет стоять на своём.

— Пап, ты хочешь сказать, что я не умный? — Тао Синцзюнь, не поняв контекста, поднял голову. — Ты меня никогда не хвалишь.

— Куда тебе до сестры, — Тао Вэйчэн не стал щадить самолюбие сына. — Ещё раз замечу, что ты тайком мешаешь Синъи спать — посмотришь на неё, только когда рак на горе свистнет.

Вот чёрт, как он узнал? Тао Синцзюнь уткнулся в тарелку, пытаясь спрятать лицо. В прошлый раз он же был таким осторожным, как отец догадался?

— Опять ты за своё, — Хуа Сюньси строго посмотрела на мужа. — Ешь давай. В следующий раз, если поймаю, как ты во сне наваливаешься на Синъи, тоже лишишься права на неё смотреть.

Тао Вэйчэн, получивший ту же порцию угроз, тут же принялся подкалывать сына. В прошлую ночь он ведь не нарочно! Просто ворочался во сне и не заметил, как придавил Синъи...

К тому же, когда Синъи заплакала, он тут же принялся извиняться...

— Только не рассказывай мне про свои извинения. Ей всего год, ты думаешь, она что-то понимает?

Вспомнив, как он прошлой ночью стоял на коленях перед кроваткой и со всей серьёзностью просил прощения у Синъи, Хуа Сюньси хотелось вскрыть ему череп и посмотреть, что там внутри. Человек, который ворочает миллионами в бизнесе, всерьёз думает, что годовалый ребёнок поймёт его извинения? Серьёзно?!

<http://bllate.org/book/20735/2076113>